

RU

Прецедентные феномены в современном немецком парламентском дискурсе

Дойникова М. И.

Аннотация. В статье исследуется роль прецедентных феноменов в современном немецком парламентском дискурсе. Цель работы – выделение прагматических функций, которые выполняют прецедентные тексты, имена, высказывания и ситуации в риторических стратегиях депутатов бундестага. Научная новизна исследования состоит в том, что в результате комплексного анализа прецедентных феноменов как инструмента политической коммуникации впервые установлены их функции и стратегии использования в условиях актуальных идеологических противоречий. В ходе исследования на конкретных примерах рассматриваются механизмы апелляции к историческим событиям и деятелям, а также к феноменам массовой культуры. В результате доказано, что прецедентные феномены выступают эффективным средством завуалирования идеологических посылов и манипулятивно-го воздействия на аудиторию. Установлено, что прецедентные феномены выполняют комплекс прагматических функций (оценочно-характеризующую, манипулятивно-воздействующую, идентификационно-консолидирующую, моделирующую, аттрактивную и людическую), часто реализуясь в сочетании с иронией и языковой игрой для конструирования групповой идентичности, легитимации политических позиций или дискредитации оппонентов.

EN

Precedent phenomena in contemporary German parliamentary discourse

M. I. Doynikova

Abstract. The article examines the role of precedent phenomena in contemporary German parliamentary discourse. The research aims to identify the pragmatic functions performed by precedent texts, names, statements, and situations within the rhetorical strategies of members of the Bundestag. The scientific novelty of the study lies in the fact that, as a result of a comprehensive analysis of precedent phenomena as tools of political communication, their functions and usage strategies amidst current ideological contradictions have been established for the first time. The study examines specific examples of mechanisms for appealing to historical events and figures, as well as to phenomena of popular culture. The results prove that precedent phenomena serve as an effective means of veiling ideological messages and exerting a manipulative influence on the audience. It was established that precedent phenomena perform a complex of pragmatic functions (evaluative-characterizing, manipulative-impact, identification-consolidating, modeling, attractive, and ludic), often realized in combination with irony and wordplay to construct group identity, legitimize political stances, or discredit opponents.

Введение

Актуальность данного исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами: во-первых, прецедентные феномены являются эффективным инструментом политической коммуникации, позволяющим лаконично апеллировать к общим для аудитории знаниям (историческим событиям, литературным произведениям, медийным текстам, значимым личностям) для аргументации, оценки и формирования общественного мнения; во-вторых, их употребление объективно отражает ключевые идеологические противоречия и социальные дискуссии в современной Германии, такие как вопросы исторической памяти, европейской интеграции или миграционной политики, следовательно анализ прецедентных феноменов позволит «вскрыть культурный код» немцев. Таким образом, это исследование значимо не только для лингвистики, но и для лингвокультурологии, политологии и социологии, поскольку раскрывает конкретные механизмы влияния языка на политические процессы, позволяет лучше понять немецкую картину мира и немецкую идентичность.

Объект исследования – парламентские дебаты в бундестаге ФРГ, который представляет собой особое коммуникативное пространство, где переплетаются ритуальность, острая полемика и историческая ответственность.

Предмет исследования – прецедентные феномены в речи депутатов немецкого бундестага.

Материалом исследования послужили протоколы пленарных заседаний бундестага 21-го созыва в период с ноября по декабрь 2025 г., содержащие стенограммы выступлений депутатов семи партий, общим объемом 1348 страниц.

Достижение цели исследования требовало решения следующих задач:

- проанализировать стенограммы выступлений депутатов бундестага 21-го созыва в период с ноября по декабрь 2025 г. с целью выделения примеров употребления прецедентных феноменов, учитывая контекст;
- выявить источники прецедентных феноменов и установить механизмы их функционирования в немецком парламентском дискурсе;
- определить прагматические цели употребления прецедентных феноменов в выступлениях депутатов бундестага.

Для реализации поставленных задач в исследовании применяются следующие методы: метод контролируемого отбора для создания картотеки примеров употребления прецедентных феноменов в речи немецких парламентариев; для выявления механизмов функционирования и прагматической функции прецедентных феноменов использовались дескриптивный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение, элементы дискурсивного, лингвопрагматического и контекстуального анализа.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области лингвокультурологии и когнитивистики (Караулов, 1986; Сорокин, Михалева, 1993; Красных, 2011; Слышкин, 2000; Захарова, 2023), дискурсологии (Карасик, 2000; Шейгал, 2000; Фоменко, 2015; Лукиных, Баранова, 2021; Нефедова, 2024), позволившие лучше понять роль прецедентных феноменов в структуре и функционировании языковой личности, а также различных дискурсах. Кроме того, учитывались работы, посвященные изучению прецедентных феноменов непосредственно в области политического и парламентского дискурса, как отечественных ученых Л. А. Бухиной, А. В. Филипповой (2012), А. С. Константиновой (2012), Е. Н. Лучинской, Б. С. Кабаньян (2017), Ю. И. Годяевой (2024), А. О. Кулубековой (2025), Г. В. Перминовой (2025), так и зарубежных исследователей А. Буркхарда (Burkhardt, 2003), Г. Штрауса, У. Хасса, Г. Харраса (Strauß, Haß, Harras, 1989). Основным аспектом исследования явились прецедентные феномены, их реализация и функции в современном парламентском дискурсе, что стало возможным благодаря трудам, рассматривающим принципы классификации и дифференциации изучаемых знаков (Красных, Гудков, Захаренко и др., 1997; Гудков, 1999; Высоцкая, 2012; Тамерьян, Цаголова, 2014; Самедова, 2023). Особого внимания заслуживают труды по изучению иронии С. Аттардо (Attardo, 1994), Л. Хатчеон (Hutcheon, 1994), М. О. Катамадзе (2021), М. И. Дойниковой (2025), так как прецедентные феномены часто используются в политическом дискурсе в качестве средств иронии для реализации различных прагматических целей.

Практическая значимость изучения прецедентных феноменов в речи депутатов бундестага имеет три основных аспекта:

- во-первых, оно предоставляет методологический инструментарий для объективного анализа политического дискурса, позволяя выявлять неявные идеологические установки и риторические манипуляции через конкретный языковой материал, что востребовано в политической аналитике и медиалогии;
- во-вторых, результаты такого исследования имеют прикладное значение для сферы политической коммуникации и политического образования, так как систематизированные данные об эффективных стратегиях апелляции к коллективному знанию могут быть использованы для подготовки спичрайтеров, журналистов, а также как в программах повышения квалификации переводчиков и дипломатов, так и для улучшения медиаграмотности граждан;
- в-третьих, это исследование способствует как более глубокому пониманию актуальных социально-политических процессов в Германии, так и осмыслению национальной картины мира немцев в целом, поскольку частотность и контексты употребления определённых прецедентных имён, текстов или событий служат индикатором доминирующих в обществе нарративов, ценностных конфликтов и трансформации национальной идентичности, что важно для специалистов в области политологии, социологии, культурологии и лингвокультурологии.

Обсуждение и результаты

Понятие прецедентного феномена утвердилось в лингвистике благодаря работам Ю. Н. Караулова (1986), который ввёл в научный оборот термин «прецедентный текст», определяя его как вербальный продукт, обладающий культурной значимостью для определённого лингвокультурного сообщества, многократно воспроизводимый в коммуникации и входящий в когнитивную базу языковой личности. В дальнейшем теория прецедентности получила свое развитие в трудах В. В. Красных и Д. Б. Гудкова, предложивших расширенную классификацию, включающую прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации (Красных, Гудков, Захаренко и др., 1997; Гудков, 1999). Согласно данной концепции, прецедентные феномены функционируют как элементы коллективной памяти, обеспечивая интертекстуальные связи и выступая маркерами культурной идентичности. Их сущностными характеристиками являются узнаваемость, эмоционально-оценочная заряженность и регулярная воспроизводимость в речи представителей сообщества.

В политическом дискурсе, понимаемом как институциональная форма коммуникации, нацеленная на завоевание, удержание и легитимацию власти, прецедентные феномены приобретают особый прагматический потенциал. Они реализуют ряд ключевых функций: мобилизационную, аргументативную, манипулятивную, имиджевую и идентификационную (Кулубекова, 2025). Механизм их воздействия основан на актуализации общих для адресанта и адресата фоновых знаний и ценностных ориентиров, что позволяет формировать заданные интерпретации политических событий, конструировать образы политических акторов и управлять восприятием аудитории.

Несмотря на целый ряд работ, посвященных изучению прецедентных феноменов в различных дискурсах, вопросы функционирования данных единиц (механизмы, источники, прагматические цели и т. п.) в современном немецком парламентском дискурсе остаются недостаточно изученными.

Парламентская речь в бундестаге, будучи строго регламентированной институциональной практикой, тем не менее представляет собой поле риторической конфронтации и солидаризации, где эффективное убеждение оппонентов и аудитории часто достигается за счёт имплицитных средств воздействия (Константинова, 2012, с. 3). Прецедентные феномены, в силу своей интертекстуальной природы, служат одним из таких средств, позволяя вводить в официальную полемику скрытые оценки, исторические аналогии и культурные коды. Анализ их использования позволяет вскрыть глубинные механизмы аргументации и стратегии дискредитации в рамках парламентских дебатов.

Кроме того, немецкий политический дискурс обладает уникальным историческим и культурным бэкграундом. Обращение к прецедентным именам (таким как Бисмарк, Аденауэр, Брандт, Меркель) или ситуациям (*Wirtschaftswunder* / экономическое чудо, *Wiedervereinigung* / объединение Германии в 1990 году, преодоление гитлеровской диктатуры) является мощным инструментом конструирования политических нарративов. Например, использование контаминированных антропонимов по модели *Merkiavelli* (Меркель + Макиавелли), как показано в исследованиях медийного образа Ангелы Меркель, служит целям косвенной негативной оценки, проецируя на политика комплекс ассоциаций, связанных с хитростью и беспринципностью (Тамерьян, Цаголова, 2014, с. 259). Системное изучение подобных трансформаций в стенограммах пленарных заседаний может выявить, как в парламентской коммуникации формируются и закрепляются публичные образы ключевых политических фигур.

Анализ научных работ, посвящённых прецедентным феноменам в политическом дискурсе, позволил выделить наиболее частотные функции исследуемых единиц, которые носят комплексный прагматический характер. Исследователи сходятся во мнении, что прецедентные феномены не являются лишь стилистическим украшением, а представляют собой стратегический инструмент речевого воздействия, реализующий конкретные коммуникативные цели говорящего.

Как отмечает большинство авторов (Тамерьян, Цаголова, 2014; Кулубекова, 2025; Лучинская, Кабаньян, 2017), прецедентные феномены в политическом дискурсе реализуют широкий спектр функций: номинативную, прогнозирующую, манипулятивную, смыслопорождающую, экспрессивную, оценочную, моделирующую, людическую и функцию иронизирования. Этот перечень отражает многоуровневое воздействие прецедентных феноменов на адресата – от привлечения внимания до формирования оценочных суждений и поведенческих установок. На основе изученных теоретических источников и практического материала мы предлагаем следующую классификацию функций прецедентных феноменов:

1. *Оценочно-характеризующая функция* является базовой и заключается в передаче, часто имплицитной, положительной или отрицательной оценки политического деятеля, его действий или программ. Прецедентный феномен выступает как «свёрнутый» оценочный эталон. Например, использование в немецкой прессе в отношении А. Меркель прецедентного феномена Maggie Thatcher (Тамерьян, Цаголова, 2014, с. 259) автоматически проецирует на А. Меркель комплекс негативных ассоциаций, связанных с жёсткой социально-экономической политикой Маргарет Тэтчер. Как подчёркивает А. О. Кулубекова (2025, с. 706), прецедентные феномены способны вызывать у аудитории широкий спектр эмоций – от патриотизма до тревоги, – формируя эмоциональный фон восприятия информации.

2. *Манипулятивно-воздействующая функция* напрямую связана с намерением говорящего скрыто управлять восприятием и мнением аудитории. Использование прецедентных феноменов, опирающихся на общий культурный код, делает внушаемую оценку менее заметной и более убедительной. А. О. Кулубекова определяет эту функцию как одну из центральных в политическом дискурсе, отмечая, что прецедентные феномены используются для «скрытого внушения определённых установок, используя безопасные культурные отсылки» (2025, с. 703). Например, апелляция к историческим прецедентам (война, кризис) может использоваться для мобилизации электората или оправдания непопулярных решений, а ироничные трансформы (*Merkozy*) – для дискредитации политического тандема через снижение его статуса (Тамерьян, Цаголова, 2014, с. 260).

3. При *идентификационно-консолидирующей функции* прецедентные феномены служат маркером принадлежности к определённому лингвокультурному или идеологическому сообществу, разграничивая «своих» и «чужих». Их правильное декодирование предполагает наличие общих фоновых знаний. Как отмечается в статье Е. Н. Лучинской и Б. С. Кабаньян (2017, с. 6), прецедентные феномены позволяют консолидировать тот или иной социум, так как служат осознанию членами некоторой социальной группы своего единства. В парламентском дискурсе эта функция может проявляться в использовании прецедентных феноменов, адресованных конкретной фракции или её сторонникам.

4. Используя *моделирующую/прогнозирующую функцию* прецедентных феноменов, говорящий отсылает к известному сценарию (прецедентной ситуации или сюжету), что позволяет смоделировать развитие текущих событий или спрогнозировать их результат.

5. *Аттрактивная и людическая (игровая) функции* связаны с обеспечением эффективности и запоминаемости коммуникации. Аттрактивная функция направлена на привлечение и удержание внимания адресата за счёт яркости и узнаваемости прецедентного феномена. Людическая функция реализуется через языковую игру, иронию, создание каламбуров, что, с одной стороны, повышает экспрессивность текста, а с другой – может служить инструментом дискредитации оппонента. Ярким примером является весь ряд трансформированных имён (Merkiavelli, Merkozy), анализируемых Т. Ю. Тамерьян и В. А. Цаголовой (2014, с. 259), которые представляют собой результат словесной игры, направленной на создание иронического эффекта.

В настоящем исследовании была предпринята попытка определить, какие прецедентные феномены и с какой целью используются в современном немецком парламентском дискурсе, насколько их употребление объективно отражает ключевые идеологические противоречия и социальные дискуссии в современной Германии, тем самым лучше понять ценностные ориентиры немцев и изучить риторические стратегии, преобладающие в немецком парламентском дискурсе.

Пример 1

Данный пример демонстрирует переплетение различных функций прецедентных феноменов: оценочно-характеризующей, манипулятивно-воздействующей, моделирующей и аттрактивной функций.

Ines Schwerdtner (Die Linke): *“Was werden Sie auch als Vizekanzler tun, um nicht wie ein Brüning 2.0 zu enden und den Faschisten den Weg zu bereiten?”* (Plenarprotokoll 21/46, 3.12.2025, S. 5303). / Инес Швердтнер (партия Левых), обращаясь к министру финансов Ларсу Клингбайлю (СДПГ): «Что Вы сделаете в качестве вице-канцлера, чтобы не закончить свою политическую карьеру как Брюнинг 2.0 и не расчистить путь фашистам?» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. Д.).

Прецедентный феномен: Генрих Алоизиус Мария Элизабет Брюнинг – канцлер Веймарской республики (1930-1932 гг.), чья жёсткая бюджетная политика (дефляционная политика, сокращение социальных расходов) считается одной из причин роста популярности нацистов.

В данном примере доминирующей и стержневой является стратегия, основанная на пафосе через апелляцию к историческому авторитету и моральной ответственности. Депутат иронично сравнивает текущую финансовую политику министра с политикой Генриха Брюнинга, тем самым делая акцент на потенциально опасных последствиях. Современный IT-термин «2.0» (означающий «новую, улучшенную версию») создает эффект уничижительного сарказма. Вопрос построен на желании вызвать у адресата сильные негативные эмоции – страх и тревогу. Прямое упоминание «расчистить путь фашистам» (*“den Faschisten den Weg zu bereiten”*) – это мощнейший эмоциональный удар, особенно в немецком историческом контексте. Цель – шокировать аудиторию и коллегу, заставив увидеть текущую политику не как технический вопрос бюджета, а как экзистенциальную угрозу демократии. Логическая цепочка строится на исторической прецедентности: *«Жесткая бюджетная политика Брюнинга → ослабление общества → рост поддержки нацистов. Ваша политика похожа на брюнинговскую (Brüning 2.0) → следовательно, она может привести к аналогичным катастрофическим последствиям»*. Однако эта логика подана не через цифры и факты текущей политики, а через эмоционально заряженную историческую метафору. Таким образом, прецедентный феномен «Брюнинг» в немецком политическом дискурсе является устойчивым символом роковой, антисоциальной политики, ведущей к краху демократии. Депутат не просто апеллирует к эмоциям, а облекает их в форму исторического урока, что придает ее словам вес и ей самой моральный авторитет. Она позиционирует себя как человека, помнящего уроки истории, и требует от министра финансов, который является одновременно и вице-канцлером, такой же ответственности.

Прагматическая цель: резкая критика бюджетной политики правительства, предупреждение о возможном повторении исторических ошибок, дискредитация министра через ассоциацию с непопулярной исторической фигурой.

Пример 2

Завершая свою речь в поддержку бюджета на исследования, в которой он, в частности, подробно рассказывал о «Национальном десятилетии борьбы с постинфекционными заболеваниями», Стефан Албани (ХДС) использует знаменитую фразу: *“So ende ich an dieser Stelle wieder mit den legendären Worten von Jean-Luc Picard, Captain der 'Enterprise': 'Make it so!'”* (Plenarprotokoll 21/45, 28.11.2025, S. 5238). / «Здесь я завершу свою речь словами легендарного Жан-Люка Пикара, капитана “Энтерпрайза”: “Сделайте так!”».

Прецедентные феномены: Жан-Люк Пикар, капитан «Энтерпрайза» из телесериала и кинофраншизы *“Star Trek: The Next Generation”* / «Звёздный путь: Следующее поколение» (1987-1994 гг. США, фантастика) и его фраза *“Make it so!”* («Сделайте так!»).

В данном случае Стефан Албани опирается на эмоциональный резонанс прецедентных феноменов. Основной механизм заключается не в линейной аргументации, завершая техническую речь о бюджетных ассигнованиях цитатой капитана Жан-Люка Пикара, оратор совершает контекстуальный сдвиг. Он переносит обсуждение из плоскости бюрократических процедур и финансовых отчетов в нарратив футуристической и героической миссии, заимствованный из «Звездного пути». Эта операция служит прежде всего укреплению авторитета и имиджа говорящего. Албани ассоциирует себя и свою инициативу не с обыденной политикой, а с фигурой дальновидного, компетентного и решительного капитана звездолета, чья команда *“Make it so!”* символизирует эффективное исполнение самых смелых планов. Таким образом, он примеряет на себя авторитет культурного архетипа, позиционируя предлагаемый бюджет как столь же стратегический и вдохновляющий как исследовательская миссия «Энтерпрайза». Одновременно эти прецедентные феномены призваны

вызвать у узнавшей их аудитории чувство оптимизма, причастности к великому делу и уверенности в будущем. Они трансформируют абстрактное финансирование исследований в эпическую цель, мобилизуя сторонников через положительные ассоциации с прогрессом и покорением новых горизонтов. Примечательна роль иронии в этом приеме. Оратор, называя слова Пикара «легендарными», сам указывает на некоторое преувеличение, тем самым смягчая возможный пафос и создавая образ современного, остроумного политика, который не чужд популярной культуре. Ирония возникает из контраста между сухим языком законопроектов и пафосным лозунгом из научной фантастики, но этот контраст работает на возвышение темы, а не на ее осмеяние.

Прагматическая цель этой сложной риторической конструкции многогранна. Она направлена на то, чтобы наложить на конкретный бюджетный вопрос яркий, запоминающийся и позитивный нарратив, который изменит сам характер его восприятия. Голосование «за» должно восприниматься не как рутинное одобрение расходов, а как символический жест поддержки смелого прорыва в будущее. Кроме того, этот прием служит тонкой идентификации «своих» – тех, кто понимает отсылку и разделяет ценности прогресса, науки и дальновидности, воплощенные в сериале. В итоге стратегия Албани оказывается стратегией харизматического лидерства и нарративного переосмысления: он использует культурный код, чтобы превратить политическое решение в вдохновляющую миссию, сплотить вокруг нее единомышленников и закрепить в общественном сознании образ себя самого как решительного и думающего наперед политика.

В данном примере реализуются манипулятивно-воздействующая, идентификационно-консолидирующая, моделирующая/прогнозирующая, людическая и аттрактивная функции.

Пример 3

Rüdiger Lucassen (AfD): *“Damit steht die Bundeswehr in einer 200-jährigen Tradition, einer Tradition der Treue, der Pflichterfüllung und der Verbundenheit zu Deutschland, egal unter welcher Regierung. Lützows Jäger kämpften nicht für den König, sondern für die Freiheit der Deutschen. Die Heeresgruppe Kurland kämpfte nicht für das erbärmliche Regime im Bunker. Die Soldaten hielten stand, um 1,5 Millionen Ostpreußen vor der Roten Armee zu retten. Und, meine Damen und Herren, auch die Soldaten der NVA, einer deutschen Wehrpflichtigenarmee, stellten sich im entscheidenden Moment ihrer Geschichte in den Dienst dieser deutschen Tradition”* (Plenarprotokoll 21/48, 5.12.2025, S. 5615). / Рюдигер Лукассен (АдГ): «Это означает, что бундесвер имеет 200-летнюю традицию, традицию верности, выполнения долга и приверженности Германии, независимо от того, при каком правительстве. Лютцовские егеря сражались не за короля, а за свободу немцев. Курляндская группа армий сражалась не за жалкий режим в бункере. Солдаты выстояли, чтобы спасти 1,5 миллиона жителей Восточной Пруссии от Красной Армии. И, дамы и господа, солдаты Национальной народной армии, немецкой призывной армии ГДР, также встали на службу этой немецкой традиции в решающий момент ее истории».

Анализируемая цитата депутата бундестага от партии АдГ Рюдигера Лукассена представляет собой сложный и целенаправленный риторический конструкт, призванный совершить радикальную переоценку немецкой военной истории и сконструировать новую, альтернативную национальную традицию. В ее основе лежит откровенная стратегия исторического ревизионизма, маскируемая под патриотический нарратив о «верности долгу». Оратор выстраивает псевдопреемственность, искусственно связывая четыре исторически и идеологически разнородных феномена: 1) Лютцовский добровольческий корпус, сформированный в 1813 году во время Освободительных войн против Наполеона под командованием майора (впоследствии генерал-майор) Людвиг Адольфа Вильгельма фон Лютцо (В состав корпуса входило более 3 тысяч добровольцев из числа патриотически настроенных студентов, мастеровых, ремесленников и бывших солдат.); 2) группу армий «Курляндия» (нем. *Heeresgruppe Kurland*) – оперативно-стратегическое объединение войск Германии во Второй мировой войне на северном участке Восточного фронта в 1945 году; 3) военнослужащих Национальной народной армии ГДР; 4) бундесвера. Механизмом этого соединения выступает намеренное отделение образа «простого солдата» от политического режима, при котором он служит, с помощью эффектной антитезы «не за..., а за...». Так, лютцовские егеря борются «не за короля, а за свободу», а солдаты группы армий «Курляндия» – «не за жалкий режим в бункере, а для спасения восточных пруссов». Риторическая стратегия Лукассена заключается в создании мощного прецедентного ряда, который должен эмоционально легитимировать новую версию национальной идентичности. Он эксплуатирует подлинные ценности – долг, товарищество, самопожертвование, – чтобы наполнить их совершенно иным историческим содержанием. Представляя солдат всех эпох как вечных «спасителей отечества», оратор стремится нормализовать образ немецкого солдата, выведя его из-под морального и исторического суда, и предложить аудитории консервативно-революционный миф, замещающий собой культуру памяти, основанную на покаянии и ответственности. Это выступление – яркий пример того, как политический популизм, размывая границы между разными диктатурами и демократией, подчиняет всё абстрактной идее «вечной верности Германии».

Данный пример показывает одновременное использование нескольких функций прецедентных феноменов: оценочно-характеризующей, манипулятивно-воздействующей и аттрактивной функций.

Таким образом, анализ эмпирического материала демонстрирует, что прецедентные феномены в политическом, в частности парламентском, дискурсе функционируют как многофункциональный прагматический инструмент. Их использование позволяет политическому актору одновременно решать несколько задач: компактно и экспрессивно номинировать и оценивать явления, воздействовать на эмоции и установки аудитории, апеллировать к коллективной идентичности и моделировать желаемые (или пугающие) варианты будущего. Комплексность и имплицитность этих функций делают прецедентные феномены высокоэффективным средством политической коммуникации и риторической борьбы.

Заключение

На основе проведённого исследования прецедентных феноменов в современном немецком парламентском дискурсе можно сформулировать следующие выводы:

1. Прецедентные феномены являются неотъемлемым и многофункциональным инструментом политической коммуникации в бундестаге. Они выполняют комплекс прагматических функций: оценочно-характеризующую, манипулятивно-воздействующую, идентификационно-консолидирующую, моделирующую/прогнозирующую, аттрактивную и людическую (игровую), которые используются чаще в совокупности.

2. Употребление прецедентных феноменов не сводится к украшению речи, а представляет собой стратегический инструмент, позволяющий:

- свёртывать сложные идеологические послы в лаконичные, эмоционально заряженные единицы, обеспечивая быструю передачу оценочных суждений и исторических аналогий без развёрнутой аргументации;
- манипулировать коллективной памятью, актуализируя или переопределяя значимость исторических событий и фигур в зависимости от текущих политических задач, что особенно отчётливо проявляется в историческом ревизионизме;
- конструировать и укреплять групповую идентичность через разделяемые культурные коды, одновременно маркируя границы между политическими лагерями и формируя образ «своих» и «чужих»;
- трансформировать восприятие политической реальности, переводя обсуждение из технической или бюрократической плоскости в символическое поле, где доминируют нарративы исторической судьбы, морального выбора или футуристических проектов;
- легитимировать или дискредитировать политические позиции через апелляцию к авторитету культурных или исторических прецедентов, что позволяет избегать прямой конфронтации и сохранять видимость следования парламентскому этикету.

3. Прецедентные феномены часто используются в сочетании с иронией и языковой игрой, что повышает их воздействующий потенциал. Ирония позволяет смягчать или, наоборот, усиливать критический посыл, создавать запоминающиеся образы и дискредитировать оппонентов, оставаясь в рамках парламентского этикета.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать сравнительный анализ использования прецедентных феноменов в парламентском дискурсе разных стран (например, Германии, России, США), а также исследование роли визуальных и мультимодальных прецедентных феноменов в политической коммуникации.

Материалы исследования | Research materials

1. Протоколы пленарных заседаний бундестага 21-го созыва (ноябрь-декабрь, 2025 г.). <https://www.bundestag.de/protokolle>

Источники | References

1. Бутахина Л. А., Филиппова А. В. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3 (10).
2. Высоцкая И. В. О прецедентном знаке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 6. Журналистика.
3. Годяева Ю. И. Прецедентное имя как средство сравнения в политическом дискурсе (на примере ПИ Ангела Меркель) // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения: материалы IV Международной междисциплинарной научной конференции, Москва, 15-16 января 2024 года. М.: Издательский дом КДУ, 2024.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Издательство МГУ, 1999.
5. Дойникова М. И. Ирония в немецком парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 9. <https://doi.org/10.30853/phil20250541>
6. Захарова А. Г. Механизм концептуальной интеграции при формировании семантики отпрецедентных имен (на материале кластера Spongebob) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54).
7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000.
8. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1986.
9. Катамадзе М. О. Ирония и юмор как инструмент реализации персуазивных стратегий в парламентских прениях (на материале прений в Германском Бундестаге) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 3. <https://doi.org/10.30853/phil210060>
10. Константинова А. С. Коммуникативно-прагматические и функционально-стилистические характеристики немецко- и русскоязычной публичной парламентской речи (на материале стенограмм пленарных заседаний Бундестага ФРГ и Госдумы РФ) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6.

11. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом. 2011. № 4 (227).
12. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3.
13. Кулубекова А. О. Прецедентные феномены в современном политическом дискурсе // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11. № 9. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/118/81>
14. Лукиных А. А., Баранова И. В. Национально-прецедентные феномены русскоязычной культуры и способы их перевода на английский язык на примере выступлений Президента Российской Федерации В. В. Путина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (215).
15. Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С. Прецедентные феномены в общественно-политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2 (72).
16. Нефедова Л. А. Герои будней, грешники и шерифы. Образные номинации лица как средство реализации манипулятивной номинативной стратегии в дискурсе СМИ (на материале немецкого языка 2020-2023 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. <https://doi.org/10.30853/phil20240239>
17. Перминова Г. В. Лингвопрагматические механизмы легитимации власти в условиях кризиса: на материале немецкого парламентского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 8. <https://doi.org/10.30853/phil20250486>
18. Самедова С. Н. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // Современные научные исследования и инновации. 2023. № 8 (148).
19. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Флинта; Наука, 2000.
20. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / отв. ред. Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Филология, 1993.
21. Тамерьян Т. Ю., Цаголова В. А. Прагматика прецедентных феноменов в немецком политическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16.
22. Фоменко Е. С. Американские культурные символы – прецедентные феномены в дискурсе современных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-1 (45).
23. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
24. Attardo S. Linguistic Theories of Humour. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 1994.
25. Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache. Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003.
26. Hutcheon L. Irony's Edge: The theory and politics of irony. L. – N. Y.: Routledge, 1994.
27. Strauß G., Haß U., Harras G. Brisante Wörter von Agitation bis Zeitgeist. Ein Lexikon zum öffentlichen Sprachgebrauch. Berlin – N. Y.: De Gruyter Verlag, 1989.

Информация об авторах | Author information

RU Дойникова Марина Игоревна¹, к. филол. н., доц.
¹ Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России)

EN Marina Igorevna Doynikova¹, PhD
¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

¹ doynikovami@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.01.2026; опубликовано online (published online): 27.02.2026.

Ключевые слова (keywords): прецедентные феномены; парламентский дискурс; прецедентная ирония; прагматическая функция; немецкий язык; precedent phenomena; parliamentary discourse; precedent irony; pragmatic function; German language.